

Слава Зорина

Диагноз: СВОБОДНА

Слава Зорина
Диагноз: свободна

https://litres.ru/74789423
SelfPub; 2026

Аннотация

— Пациентка поступила по скорой, двадцать шесть недель, угроза.

— Готовьте смотровую, иду.

Оказалось, на скорой привезли Светку, мою подругу переставшую отвечать на звонки около года назад. Я думала, ну бывает, люди расходятся. Оказалось — не расходятся. Сходятся. С чужими мужьями.

— Жан, прости, прости, прости, я его люблю, я правда не хотела!

— Давление? Когда начались боли? Аллергии на препараты? Света, отвечай на вопросы. Рыдать будешь потом. Я тоже.

А в коридоре уже маячил мой муж с тюльпанами для женщины, которой я сейчас спасаю беременность. Два года он говорил мне «потерпи, само получится», «ЭКО — это крайность», «не накручивай себя». Что ж, у него получилось не со мной, правда.

— Жанна, это не то, что

— Тут стерильная зона, тюльпаны забери. ..и себя тоже.

Я стабилизировала ее, а утром пришла домой, сложила его вещи в два чемодана, вызвала слесаря и сменила замки.

Слесарь, кстати, сказал, что это четвертый замок за неделю. Видимо мартовское обострение

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	29
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Слава Зорина
Диагноз: свободна

Глава 1

— Жан, я понимаю, что это наглость, —Лена Симакова поймала меня у шкафчика, когда я уже застегивала халат. — Но у нас годовщина, Сережа заказал столик, а Краснова ушла на больничный и...

— Когда? — обреченно вздохнула я.

— В восемь.

Я посмотрела на часы: шесть тридцать пять.

— Иди собирайся.

Лена выдохнула с таким облегчением, что стало даже немного завидно, иметь человека, ради которого вот так выдыхаешь. Я взяла ее папку с дежурными листами и пошла в ординаторскую, не успев толком додумать, чему именно завидую.

Петя был в Нижнем Новгороде, в командировке… или на конференции. Я уже не разделяла эти понятия, потому что в марте он ездил туда трижды. Три конференции за месяц — это, конечно, выдающаяся деловая активность для менеджера, продающего препараты для женского здоровья. Но я не спрашивала. Я давно ни о чем не спрашивала, и это тоже

о чем-то говорило, только я пока не была готова сесть, проанализировать и наконец-то понять, что у нас проблема.

В ординаторской я достала из сумки папку и положила на стол. Внутри лежали три буклета из ЭКО-клиник: один государственный центр репродукции и две частные. Цены я уже знала наизусть, шансы при нашем диагнозе тоже. В воскресенье Петя вернется, и я наконец скажу вслух то, что полгода крутилось в голове: нам надо пробовать. По-настоящему, с врачами, с протоколом, а не с моими таблицами овуляции, на которые он смотрел со снисходительной улыбкой.

— О, Берг на дежурстве! — Я убрала папку обратно, Ринат возник в дверях с двумя кружками, явно чужими, потому что свои он никогда не мыл. — Симакова продала тебя за ужин при свечах?

— За годовщину.

— Романтика. — Он поставил одну кружку передо мной. — Тебе черный, без сахара, как твоя душа.

— Я тронута.

Ринат плюхнулся на диван и закинул ноги на подлокотник, это было нарушением всего, что можно нарушить, но никто уже давно не делал ему замечаний. Мы проработали с ним семь лет в одном отделении, и на его выпады, порой намеренно провокационные, что в словах, что в поведении я научилась не реагировать. К тому же, все мы знали, что у него дома четверо детей и вечный хаос, а еще он хранит в шкафчике коньяк «для медицинских целей» и что именно

ему я могу сказать любую правду, не подбирая слова.

— Как Маринка?

— У мелкого режется зуб, она не спала трое суток. — Он произнес это ровно, без жалобы. — Я привез ей цветы и был назван идиотом, которому некуда деньги девать, и лучше бы я ее отправил куда-то на необитаемый остров..

— Звучит как любовь.

— Это она и есть, — согласился он без иронии.

Валентина Петровна появилась в ординаторской минут через десять с подносом. На лице как обычно выражение, будто она в курсе всего, что происходит, но пока не комментирует. Ее медного цвета волосы было видно с другого конца коридора, и эта ее манера называть всех «деткой», включая Платонова, нашего нового главного, которого она как-то умудрялась не бояться.

— Детка, — сказала она мне, — ты опять ужин пропустила? У тебя под глазами круги.

— Это тени, Валентина Петровна.

— Это усталость, Жанна Андреевна. — Недовольно цокнув языком, она пристально меня оглядела. — Я пирожки принесла с картошкой, не отказывайся, а то обижусь.

Я не отказалась, а наоборот, с удовольствием вгрызлась в румяный бочок. Под кофе самое то!

Первые два часа дежурства прошли в привычном ритме: обход, документы, короткие переговоры с ночной сестрой. В двадцать шестой палате Оксана Рябцева с двойней снова

беспокоилась: казалось, что схватки. Я послушала, объяснила разницу между тренировочными и настоящими, посидела рядом дольше, чем следовало по регламенту. Она листала фотографии в телефоне, пока я заполняла карту. Я не смотрела на экран, но краем глаза видела детскую кроватку — кто-то уже купил и уже ждет.

Вернувшись в ординаторскую, поняла, что снова думаю о буклетах.

Таблетки, температурные листы и секс по расписанию, который перестал быть ни сексом, ни близостью — просто еще одна задача в ежедневнике, которую я ставила галочкой. Петя поначалу шутил, потом замолкал, потом уезжал на конференции. А я продолжала вести графики, потому что не умею бросать незаконченное. Диссертацию, правда, бросила — он сказал, что я и без ученой степени лучшая, и я поверила. Мне хотелось верить… что я лучшая для него…

Я потерла висок, открыла очередной лист с данными пациенток и запретила себе думать дальше. Воскресенье. Все в воскресенье.

Телефон на посту дежурной сестры зазвонил в половине одиннадцатого. Я услышала голос Нади из приемного быстрый, отработанный:

— Жанна Андреевна, скорая на подъезде. Двадцать шесть недель, угроза. Едут к нам.

— Иду, — сказала я, и уже застегивала халат на ходу.

Глава 2

Пока каталку вкатывали в смотровую, молодой фельдшер начал докладывать на ходу: двадцать шесть недель, схваткообразные боли, воды целые, давление в норме, но пульс частит. Я уже тянулась к карте, прокручивала алгоритм действий в голове и причины случившегося, уже была максимум погружена в проблему, и поэтому не сразу увидела лицо, зато обратила внимание на кольца на пальцах по три, четыре, пять штук, она никогда их не снимала. Бохо-юбка — нелепая, с цветочным принтом, задравшаяся выше колена. Я смотрела на эту юбку секунды три, наверное, пока что-то внутри не щелкнуло.

— Света?

Она повернула голову и мы встретились взглядами. Ее глаза были опухшие, красные, и в них стоял такой ужас, что я на мгновение растерялась.

— Жан... — Голос сорвался. — Жан, я не знала, что тебя вызовут, я не... они сказали, в ближайший центр, я не...

— Тихо. Сейчас мы разберемся, остальное потом. Когда начались боли?

— Часа три назад, наверное. Или четыре. Я не сразу поняла, что это... — Она снова заплакала, и это был не тот плач, когда болело и было страшно за ребенка. Здесь было и что-то другое…

— Ты погоди, сейчас мы тебя стабилизируем и все будет в порядке, ладно? — Пробормотала я, меряя давление. Оно, кстати, было нормальное, тоны сердца плода — ритмичные, хорошие тоны. — Больно сейчас?

— Тянет. Не так сильно, как было…

— Хорошо. Лежи спокойно, не двигайся.

— Жан. — Она схватила меня за запястье холодными пальцами, ее кольца с особо крупными камнями врезались в кожу. — Жан, подожди, мне надо тебе сказать...

— Потом.

— Нет, сейчас, потому что ты должна знать, и если ты потом узнаешь не от меня, я не… Жан, все не так… — Она говорила, глотая слова, теряя нить и начиная снова. — То есть так, но я не специально, он сам сказал, что вы давно... что у вас нет... что вы фактически не вместе уже...

Я смотрела на нее и ничего не понимала. Слова складывались в предложения, предложения складывались во что-то, у чего должен был быть смысл, но смысл не появлялся. Я решила, что это стресс, что она несет что-то от боли и страха, так бывает, я видела и не такое.

— Света, ты сейчас говоришь что-то, что не имеет отношения к нашей с тобой ситуации, — сказала я спокойно, как говорю пациенткам, начинающим уж слишком паниковать. — Тебе сейчас нельзя нервничать. Мы поговорим, когда тебя стабилизируем, ладно?

— Жан, он сказал, что вы не спите вместе уже год! — вы-

палила она, и голос у нее сломался на последнем слове. — Он сказал, что это формальность, что ты сама не хочешь...

Я убрала руку. Медленно, аккуратно просто положила ее запястье обратно на каталку.

— Кто «он»? — спросила машинально, хотя уже знала. Я уже знала, просто хотела, чтобы она сказала это вслух, чтобы между нами не осталось недомолвок и сомнений.

— Жан...

— Кто отец ребенка, Свет?

Она не ответила, впрочем, ей не пришлось.

Из коридора донесся мужской голос, знакомый до боли, с этой характерной интонацией человека, привыкшего привлекать внимание и знавшего, что его слушают: уверенно и чуть громче, чем нужно. Он что-то говорил дежурной сестре про «мою... то есть, женщину, которую привезли», и путался, и это само по себе говорило достаточно, потому что Петр Берг не путался никогда. Петр Берг всегда знал, что сказать.

Я вышла из смотровой.

Он стоял у стойки в куртке нараспашку, взволнованный, и первые полсекунды смотрел на меня так, будто не понял. Потом до него дошло и по его лицу прошло что-то — не вина, нет, он не умел в вину, — скорее растерянность человека, которого застали без подготовленного текста.

— Жан. — Он шагнул ко мне. — Это... слушай, я объясню…

— Конференция в Нижнем Новгороде, — сказала я.

Он остановился.

Я смотрела на человека, которого знала четыре года, на эту куртку, которую сама выбирала в прошлом ноябре, на этот рот, который умел говорить красиво и убедительно, и чувствовала что-то очень странное. Не боль, не ярость, а что-то похожее на то чувство, когда долго смотришь на предмет, и он вдруг расплывается. Просто человек в коридоре.

— Сейчас я вернусь в смотровую и буду делать свою работу, а ты подождешь здесь.

— Жан, дай мне сказать…

— Здесь. — Я развернулась. — Сядь и жди.

Я вошла в смотровую и закрыла за собой дверь. Света смотрела на меня с каталки, зареванная, враз ставшая маленькой и испуганной, что, впрочем не отменяло ее аккуратный животик под больничной простыней.

— Расскажи мне про боли подробнее, — сказала я, подхватывая карту. — Где именно тянет, как часто, есть ли выделения.

Работа и только работа. Потому что здесь есть ребенок, которому двадцать шесть недель, и он ни в чем не виноват: ни в желании моей подруги захомутать моего мужа, ни в Петре, решившего наставить мне рога, ни в моих двух годах таблеток и графиков, которые теперь уже точно не пригодятся.

Глава 3

Смена закончилась в семь утра. И все свои привычные действия я совершила на автопилоте: расписалась в журнале передачи, взяла куртку, сказала Наде из приемного «хорошего дня». Точно так же, с каменным лицом вышла на улицу, нашла машину на стоянке, завела двигатель…

А потом зависла.

Сидела за рулем и смотрела в лобовое стекло еще минуты три, потому что ехать домой не хотелось.

Как по заказу, телефон ожил и завибрировал на сиденье. Мельком глянув, я сбросила мамин звонок и сразу почувствовала себя виноватой, что само по себе было странно на фоне всего остального. Но кто бы сомневался в маминой настойчивости!

— Да, мам…

— Жанна, — учительница в ней сквозила в каждом слове, даже вот, в моем же имени! Она произнесла его с той интонацией, с которой отчитывала учеников за отвратительное сочинение, — что у тебя с голосом?

— Я тебе потом расскажу. — Вырулив на шоссе, зависла на красном.

— Что случилось?

— Мам, ну я не умираю. И никто не умирает. — Я помолчала. — Хотя одному человеку стоило бы.

В трубке воцарилась тишина. Мама умеет молчать так, что в этом молчании умещается все: и понимание во что я могла вляпаться или что произошло, но кроме этого она умела мастерски использовать такие паузы как полноценный монолог! Казалось бы, молчание, но, черт возьми, красноречивее многих слов, честное слово!

— Я приеду, — выдала она наконец.

— Не надо, мам.

— Я уже смотрю расписание.

— Мам, все в порядке, я справлюсь.

— Конечно справишься, — согласилась она совершенно искренне. — Ты всегда справляешься. Но не значит, что надо проделывать все это самостоятельно. Позвони, когда доедешь, я собираюсь тоже.

Светофор переключился на зеленый. Я поехала.

Благо, квартира была пуста. Тапки Пети стояли у порога: правый привычно был развернут наружу. Я прошлась по нашей берлоге подмечая мелкие детали. Например, его кружка на сушилке, большая, синяя, с отколотой ручкой, которую он не выбрасывал, потому что «она мне дорога, ты мне ее подарила». На вешалке его висел шарф, серый, тоже подаренный мной на его тридцать пятый день рождения…

Вздохнув, я клацнула чайник. Пока он грелся, я стояла и смотрела на эту кружку. Потом взяла ее, поставила на стол. Достала чемодан, потом второй поменьше, для ноутбука и документов. Принесла их в спальню, раскрыла оба, и дальше

все пошло на автомате: одежда, верхняя, нижняя, по стопкам. Документы из его ящика: паспорт, какие-то бумаги с работы, которые он всегда просил не трогать. Я сложила все аккуратно, не мяла. Электроника пошла следом: зарядки, наушники, планшет «для работы», странное дело, я не интересовалась, для какой именно.

Оба чемодана заняли полчаса. Я поставила их у двери ровно, один к одному, и вернулась на кухню. Чай заварился и уже остывал. Я выпила его холодным и подумала, что надо поменять замки.

Слесарь приехал через сорок минут, молодой мужчина с инструментами в клетчатой сумке и таким видом, будто его с утра все раздражает. Он посмотрел на замок, потом на меня, потом снова на замок.

— Менять будем оба? Верхний и нижний?

— Оба.

Он принялся за работу. Я стояла в дверях, потому что идти в комнату не хотелось. Ощущение чужого присутствия действовало отрезвляюще.

— Знаете, — сказал слесарь, не оборачиваясь, — вы у меня уже четвертая за эту неделю замки меняете.

— Совпадение.

— Мартовское обострение, — вздохнул он. — Каждый март одно и то же: сначала потепление, потом выясняется, кто где зимовал и…

Я посмотрела на него с тем прищуром, который Ринат на-

зывает «берговским», — он не договорил и сосредоточился на замке.

Когда слесарь ушел, я заперла дверь новым ключом на оба замка. Постояла, держась за ручку. За стеной у соседей громко работал телевизор: утренние новости, что-то про погоду и про дороги.

Я достала телефон. Пятнадцать пропущенных от Пети. Ну, пора наверное… открыла переписку, прочла последнее сообщение: «Жан, мне надо объяснить. Это сложнее, чем выглядит. Пожалуйста.»

Сложнее, чем выглядит…

Его любимая фразочка, хотя нет, он заменил сегодня ночью на «не так, как ты думаешь», а смысл всегда один: подожди, дай мне сказать, и я сделаю так, чтобы ты снова поверила. Он умел это. Я же умела верить, это был наш негласный договор все годы брака, и я только сейчас поняла, насколько он был односторонним.

Я убрала телефон. Прошла в спальню, легла поверх покрывала, не раздеваясь. На белом потолке маленькая трещина у окна, я видела ее тысячу раз в бессонные ночи с графиками и температурными листами. Два года попыток, когда я каждый месяц говорила себе: в следующий раз, еще один цикл, еще немного. А муж, оказывается, в это время говорил Свете, что мы «фактически не вместе».

Странное дело, истерика, слезы, вот это все не наступало…

Я ждала, когда начнет, но нет, было какое-то странное, очень тихое ощущение, как будто долго шла с тяжелым рюкзаком и наконец поставила его на землю. Не хорошо, а просто иначе… вновь зазвонил телефон. Я повернула голову, увидела имя Рината и меланхолично ответила.

— Ты дома? — спросил он без предисловий.

— Дома, дома.

— Я слышал, что Симакова тебе оставила веселое дежурство. — Пауза. — Надя проговорилась. Не специально, она просто не умеет молчать.

— Да знаю, знаю.

— Жан… — Голос у него стал другим, без вот этих сарказмирующих смешинок на грани подколок. — Как ты?

— Поменяла замки, лежу, смотрю в потолок.

Он помолчал секунду.

— Ну, считаю, нормальное начало нового этапа в твоей жизни! Кстати, в ординаторской в шкафчике есть коньяк, хороший. Мне один полубандитковатый папаша, на радостях, подкинул. Если что, рекомендую исключительно в медицинских целях.

— Спасибо.

— И это, тебе надо поспать, серьезно. Все остальное потом.

Я закрыла глаза. Спать, наверное, не получится, но я попробую. Стальная Берг умеет справляться со всем. Все так говорят.

Глава 4

Понедельник я встретила злобной пандой. Да-да, это почти нереальное, чтоб панда и злая. Вот потому и я была нереально злая, невыспавшаяся и в стрессе, который сама не желала принимать. Хотелось остаться дома, выдохнуть, но будильник безжалостно прозвонил в шесть утра, поднимая меня с кровати.

Пришлось повозиться с консилером и макияжем вообще, так как я твердо решила выглядеть так, будто у меня были нормальные выходные.

Конечно же это было не так: суббота ушла на то, чтобы не отвечать Петру, воскресенье — на маму, которая все-таки приехала с чемоданом и вишневым вареньем и три часа молчала рядом на кухне, не задавая вопросов, пока я сама не начала говорить. Это был ее педагогический прием, отработанный за тридцать лет в школе: тишина как пространство, которое человек заполняет сам.

Я заполнила… мама была в шоке…

В отделение я вошла в 7:40. Надя за стойкой сказала «доброе утро» больше спрашивая, а не утверждая, я ответила «доброе» и прошла в ординаторскую, не замедляя шага.

Ринат сидел за столом с историями болезней и вид делал занятой — это был спектакль для меня, потому что Ринат никогда не читает документы с таким явно показным напря-

жением на морде лица. Он поднял глаза, явно надеясь считать, вышло ли у него, но увидев, что я не впечатлилась, встал, налил чай, поставил передо мной.

Мы кивнули друг другу вместо благодарностей, не сказали ни слова, и это было именно то, что нужно.

В 8:15 в дверях появилась Надя.

— Жанна Андреевна, Игорь Вадимович просит зайти. — Пауза. — Сейчас, если можно.

Ринат поднял взгляд от документов вопросительно подняв бровь. К шефу на ковер я попадала крайне редко...

— Иду, — ответила я, поставила кружку и застегнула верхнюю пуговицу халата.

Кабинет главного врача был в конце коридора административного крыла — я бывала здесь от силы раза три с тех пор, как Платонов занял этот пост. Три месяца назад пришел, расставил мебель по-другому, убрал с подоконника горшки с цветами предыдущего главного и повесил на стену какую-то схему, смысл которой я до сих пор не понимала. Стол был завален папками — не хаотично, а с тем характерным порядком, когда документов много, но каждый на своем месте.

Платонов стоял у окна, когда я вошла. Повернулся. Халат застегнут на все пуговицы, как обычно, руки за спиной...

— Берг, — сказал он вместо приветствия. — Замена дежурства в пятницу. — Он подошел к столу, открыл папку, — Симакова передала дежурство без согласования с руковод-

ством. Это нарушение регламента. Мне нужна объяснительная от вас обеих.

— Симакова вышла на работу?

— Завтра выходит.

— Тогда от нее — завтра. От меня — сегодня, я поняла. Все так, да, нарушение регламента, Игорь Вадимович. Несогласованная замена, нарушение графика дежурств. Симакова не успела оформить через отдел кадров, я согласилась без официального разрешения.

— Хочу, чтобы вы понимали: это не придирки. Если что-то пошло бы не так на дежурстве…

— Что-то пошло не так на дежурстве, — сказала я. — Поступление с угрозой на двадцать шесть недель, я справилась. Протоколы соблюдены, пациентка стабилизирована, документация заполнена. Если хотите придраться, ищите в другом месте, да хоть бы к регламенту, но к работе претензий нет и быть не может.

Платонов смотрел на меня. Молчал секунды три.

— Я не сказал, что есть претензии к работе.

— Тон подразумевал.

— Берг, — произнес он ровно, — объяснительная — административная процедура. Вы же понимаете, если бы произошло ЧП, крайнего найти было бы сложно…

— О, я понимаю! — У меня что-то сдвинулось где-то в районе диафрагмы, и я почувствовала, как в горло поднимается та злость, которую я три дня держала на замке вме-

сте с петровыми вещами. — Я вышла на чужое дежурство в пятницу вечером, потому что коллеге была нужна помощь. На этом дежурстве я, если вам интересно, узнала об измене мужа! Прямо в смотровой, от пациентки, оказавшейся моей подругой. Но даже несмотря на это, я закончила смену, передала отделение в полном порядке и вышла на работу сегодня в срок. Объяснительную напишу, хорошо. В красках. Еще вопросы?!

Я смотрела на него и ждала ответной бури, вычитает меня, как девчонку, посмевшую на него открыть рот, вывалить на него личное и рабочее в перемежку. Но он смотрел на меня, и в этих серых глазах происходило что-то, чего я не ожидала. Не жалость — этого бы я не вынесла.

— Объяснительную, — повторил он ровно, — до конца дня. — Небольшая пауза. — Личные обстоятельства я принял к сведению, свободна.

Глава 5

Город за лобовым стеклом выглядел до обидного обычным. Мартовское утро, серое небо, лужи с радужной пленкой бензина, маршрутка впереди мигает поворотником. Люди идут на работу. Женщина с коляской переходит дорогу. Светофор переключается с красного на зеленый, с зеленого на желтый, и мир продолжает крутиться, как будто за последние двенадцать часов ничего не произошло.

А у меня за последние двенадцать часов муж оказался чужим человеком. Но светофору, конечно, все равно.

Я вела машину на автопилоте — четвертая передача, поворот на Садовую, пропустить пешехода, третья, перестроиться, мысли наползали друг на друга и ни одну не получалось додумать до конца: Света на каталке, Петя с тюльпанами этими, двадцать шесть недель, «Он сказал, вы не спите вместе». Его пальцы на моем запястье в коридоре.

Я затормозила на красный и поймала себя на том, что кручу обручальное кольцо, указательным пальцем по ободку, туда-обратно, как четки. Раньше это успокаивало. Сейчас кольцо казалось тесным, просто положила в карман куртки.

На парковке у дома я посидела пару минуту с выключенным двигателем таращась в окна соседей, гадая, что там за жизнь у них, за стеклом и такими разными разными шторами? Взгляд поймал и наши окна с бежевыми шторами. Мы

выбирали их в торговом центре, тогда Петя морщился от каждого варианта и говорил: «Жанн, у тебя вкус лучше, я тебе доверяю».Похоже, ему было просто лень выбирать, быть включенным в нас.

— Ладно. Хватит сидеть…

Войдя домой я глубоко втянула воздух. Вся квартира все еще пахла Петей, хотя вещи я выставила. Его парфюм — тот, древесный, который я подарила на прошлый день рождения — впитался в диванные подушки, казалось, даже в кухонное полотенце. Запах мужчины, который здесь живет.

Жил…

— Душ, Жанна, и хвост пистолетом. Нас ждут великие дела! — сложив одежду , взяв домашние, я закрылась в ванной. Весьма удачно, потому что как раз пропустила попытку попасть уже не к себе домой моего пока еще мужа.

***

Петр

Ключ не подошел.

Да, я ожидал, что так будет, но как дурак вставил его в замочную скважину, повернул и ничего. Мертвый ход, металл упирается в металл. Попробовал второй раз, третий, медленнее, аккуратнее, как будто дело в угле наклона. Потом вытащил ключ и посмотрел на дверь.

Замок был другой. Новый, блестящий, с острыми гранями — недавно поставленный. Впрочем, для меня не новость.

Мозг отметил это еще когда я в тот свой приход чемоданы увидел, серый и бордовый, рядом, ручками вверх, один к одному. Вещи в них, ожидаемо, были уложены аккуратно, Жанна была во всем такая, что хирургические инструменты после операции, так складывает, каждый на свое место, миллиметр к миллиметру, что вещи дома. Даже вот, выпроводила меня так…

Вернувшись мыслями в настоящее, я сел на верхнюю ступеньку лестницы, потому что ноги вдруг стали ватными, а стоять с дурацким ключом перед запертой дверью собственной квартиры было невыносимо. В очередной раз набрал Жанну. Гудки — четыре, пять, шесть и… тишина.

Написал: «Жанн, давай поговорим, пожалуйста». Отправил.

Подождал. Ничего. Экран не мигал, галочка не превращалась в «прочитано».

«Я люблю тебя». Отправил.

Это было правдой. Или чем-то похожим на правду, той ее версией, в которую я верил, когда произносил. Я любил Жанну и то как она морщит нос, когда читает. Или как ходит по квартире босиком, даже зимой. Я любил женщину, которая всегда знала ответ, потому что сам я не знал ни одного…

Телефон молчал. Я подождал еще минуту, встал и поплелся на выход. В итоге поехал к маме, и даже не потому, что хотел, а потому, что больше было некуда.

— Чай будешь? — спросила она, уже развернувшись к

кухне.

Я молча кивнул, больше сам себе, чем ей даже. Вымыв руки, как-то беспокойно, со странной отстраненностью рассматривал привычные, родные стены.

Мамина квартира была такой, какой я ее помнил всегда: идеальный порядок, запах ванильного печенья и ощущение, что здесь время остановилось примерно в две тысячи пятом. Скатерть с вышивкой, магниты на холодильнике из городов, в которых мама не была, дарили подруги. Фотография на стене: я в выпускном костюме, ей нравится именно этот снимок, потому что на нем я «настоящий красавец, весь в отца».

В отца... Забавно…

— Рассказывай, — мама поставила передо мной чашку с чаем и села напротив. Руки с безупречным маникюром сложила перед собой. — Не захотела таки поговорить, да?

— Замок поменяла, как я и подумал.

— Поменяла! — мама фыркнула. — Подумаешь, замок. Петь, ты поезжай к ней на работу. Поговори нормально. Ты мужчина — объясни ей. Скажи как есть: ошибся. Мужчины ошибаются, это бывает. Она должна понять.

— Мам, она видела Свету в своей больнице. На дежурстве.

— Ну и что? — Мама пожала плечами и буднично отпила чай. — Петя, ну бывает. Ты — мужчина и имеешь право на ошибку. Главное — ты хочешь вернуться. Ты же хочешь?

Я смотрел на нее и думал странную вещь: я слышал эту

интонацию всю жизнь. «Ты — мужчина, ты имеешь право». Право на что? На то, чтобы врать жене, что едешь на конференцию? На то, чтобы два года изображать, что хочешь ребенка, когда на самом деле тебя от одной мысли об этом тошнит? На то, чтобы нести шоколадку одной женщине, пока другая в одиночестве перебирает буклеты клиник, которые ты не собирался посещать?

Мама говорила, а я вспоминал, как отец уходил. Мне было десять, и он не хлопнул дверью, просто однажды утром его вещей не оказалось в шкафу. Мама стояла на кухне, курила в открытое окно и говорила подруге по телефону: «Он имеет право. Мужчина — свободная птица. Вернется.» Он не вернулся. Женился на другой, заделали сына, а мне доставались алименты раз в квартал и открытки на Новый год. Мама хранила открытки в нижнем ящике комода…

И вот мне тридцать пять, я стою в мамином коридоре со своими чемоданами, и она говорит мне те же слова, которыми двадцать пять лет назад оправдывала моего отца. Я наконец понимаю, что этими же словами она взрастила и дала мне разрешение — делать ровно то, что делал он.

Понять — это одно, конечно, а вот сделать с этим что-то — совсем другое…

— Мам, я разберусь, — ответил своей дежурной фразой. На самом деле пустышка, завернутая в уверенный тон.

Пришло время навестить Свету, но я не так чтоб спешил. На душе было тошно.. Сев в машину позвонил ей. Она от-

ветила после первого гудка и сразу заплакала: со сбившимся дыханием, с мокрыми хлюпающими звуками, и между всхлипами я разбирал отдельные слова:

— Петь, ну где ты... мне страшно тут одной... врачи ходят, а я никого не знаю, и Жанна... она сегодня ж была тут... и так на меня посмотрела...

— Свет, я приеду. Слышишь? Я приеду, сейчас, только заскочу в магазин, куплю тебе что-то вкусненькое, из того, что ты любишь.

— Правда?

— Правда. Дай мне час.

Я положил телефон на пассажирское сиденье экраном вниз, выехал со двора и доехал до торгового центра, того, где мы с Жанной покупали как раз бордовый чемодан перед Прагой и свернул на парковку. Выключил двигатель.

Да, мне нужно было ехать в больницу к Свете, она одна, ей страшно и она носит моего ребенка. Ребенка, которого я не планировал, не хотел, не обсуждал. Но она решила оставить после того, как я сказал «мы разберемся», потому что «мы разберемся» — это мой способ отложить любое решение до момента, когда его примет кто-то другой. Жанна составит план. Света поверит на слово. Мама скажет «ты имеешь право». А я буду сидеть ровно посередине, не выбирая, потому что выбор — это риск и ответственность.

Горестно вздохнув, я посмотрел на парковочный столб перед капотом. Серый бетон, номер парковочного места — 47В

— и голубиное пятно на нем. Большое... Будничные, никому не нужные детали мира, в котором я только что потерял жену, и через час потеряю доверие женщины, которая ждет меня в палате с мониторами и капельницей.

Я не поехал.

Не потому что не хотел или был зол, или еще какая-то другая причина. А потому что для того, чтобы войти в ту палату, нужно было стать человеком, который знает, зачем он туда идет. Как отец или как мужчина, который пришел сказать «прости, я не готов»? Для первого нужна решимость, а у меня ее никогда не было. Для второго — честность, которой не было тем более.

Я сидел в машине на парковке у торгового центра и смотрел на телефон. Светин пропущенный звонок. Еще один. Третий.

Потом она перестала звонить…

На торговом центре висела реклама — семья, ребенок на руках у отца, мать смеется, собака у ног. Все счастливы, все знают, где их место. Папа, например, с ребенком. Мама — рядом. Собака у их ног. Простая схема, которую все вокруг выполняют без усилий, а у меня даже с этим не получилось.

Через сорок минут я завел машину и поехал обратно к маме. Не к Свете. К маме, она нальет чай, скажет «ты имеешь право» и не задаст ни одного вопроса, на который у меня нет ответа.

Так проще. С этим я умею.

Глава 6

Понедельник начался с того, что я увидела Свету в коридоре третьего этажа.

Она шла из процедурной — медленно, придерживаясь за стену, в больничном халате поверх пижамы, босиком в резиновых тапочках. Волосы у нее были собраны в небрежный хвост, а на лице совершенно не видно было и намека на улучшение. Хотя, кольца на пальцах она не снимала даже сейчас, пожалуй, это было единственное неизменное в ее новом больничном облике.

Мы увидели друг друга одновременно. Я остановилась у поста медсестры, она замерла у двери в свою палату.

— Жан, — позвала она.

Я развернулась и пошла в противоположную сторону. Не потому что не хотела разговаривать, просто потому что не знала, что сказать. И молчание казалось честнее любых слов, которые я могла бы подобрать.

Свету я передала Оксане Рябцевой, опытной, спокойной, из тех врачей, кто умеет работать с пациентками – тревожницами. Оксана приняла случай без лишних вопросов, видимо была наслышана. Да, собственно, кто не был.

Но, несмотря на то, что я ее не вела, мы все равно сталкивались то у стойки регистратуры или в лифте, когда двери закрылись раньше, чем я успела выйти, и мы ехали три этажа

в абсолютной тишине, глядя в разные углы кабины.

Но днем, проходя мимо палаты 4Б, я услышала голос Светы. Она говорила тихо, сбивчиво, сквозь слезы:

— Петя, ну приезжай, пожалуйста. Мне страшно одной и врачи ходят, что-то постоянно говорят, термины эти их, а я не понимаю... Ты же обещал, что все будет хорошо, ты же сказал, что… будешь рядом.

Я ускорила шаг. Нет, нет, нет, не стоит ее жалеть и уж тем более злится на почти бывшего мужа. Это их дело и отношения.

Планерка началась в 14:00 в конференц-зале. Платонов стоял у доски с маркером в руке и излагал новую систему документации — пять дополнительных граф в каждой истории болезни, обязательные разборы сложных случаев по средам и ротация дежурств раз в два месяца.

Коллектив сидел с лицами разной степени недовольства. Ринат что-то шептал медсестре Наташке, а та еле сдерживала смех. Оксана просматривала телефон под столом, думая, что это совершенно незаметно.

— Вопросы? — спросил Платонов.

— Есть, — я подняла руку. — Разборы сложных случаев хорошая идея. Ротация дежурств… тоже имеет смысл. Но пять дополнительных граф в документации — это бюрократия ради бюрократии. У нас и так по двенадцать часов уходит на бумаги, вы хотите на все четырнадцать поднять?

— Эти графы необходимы для статистического учета. —

Платонов посмотрел на меня явно недовольно.

— Для какого именно учета? Конкретно.

— Для анализа эффективности применяемых методик.

— У нас уже есть анализ в еженедельных отчетах. Дублирование — это не эффективность, а потеря времени, которое можно потратить на пациентов.

— Берг, если у вас есть конструктивное предложение по оптимизации учета, я готов выслушать. Если это просто критика ради критики предлагаю закончить дискуссию.

— У меня есть конструктивное предложение, — я встала. — Оставить три графы из пяти, убрать дубли и добавить графу по осложнениям, которой сейчас нет. Это даст реальную картину, а заполнение табличек ради табличек.

— Хорошо. Готовьте обоснование и макет самой таблицы. Принесете — обсудим.

— Детка, — после планерки Валентина Петровна поймала меня у лифта и заговорщицки зашептала, — он на тебя так смотрит.

— Кто?

— Ну кто-кто… Платонов, конечно же! Я последний раз такие глаза видела у своего бывшего, когда впервые надела кожаную куртку. — Она подмигнула. — И это было до того, как он стал бывшим.

— Валентина Петровна, у вас слишком богатое воображение.

— У меня двадцать пять лет брака за спиной и глаз-алмаз

на будущие пары. Я видела, чем заканчивается противостояние подобное вашему.

— Ничем это не заканчивается, — ответила я и нажала кнопку вызова лифта. — Хотя нет, возможен вариант дисциплинарного взыскания. Мне.

Но когда я вернулась в ординаторскую, Платонов уже ждал меня там…с папкой.

— Берг, пациентка Самохина, тридцать четыре недели. Вы назначили ей дополнительное УЗИ. Зачем?

— Потому что у нее в анамнезе две замершие беременности и нестабильный тонус. Я не хочу рисковать.

— У нее нормальные показатели. УЗИ две недели назад было без патологий.

— Две недели долго при ее истории. Я перестраховываюсь.

— Вы создаете избыточную нагрузку на кабинет УЗИ, — он открыл папку, показал график. — Смотрите: очередь на три дня вперед. Ваше дополнительное исследование отодвигает плановые.

Я посмотрела на график, потом на него.

— Если с Самохиной что-то случится, потому что я не назначила УЗИ вовремя, график нам не поможет. Я отвечаю за свою пациентку.

— Я отвечаю за работу отделения. И за рациональное распределение ресурсов.

— А я отвечаю за то, чтобы женщина с двумя потерями в

анамнезе не вышла от нас с третьей!

— Берг, — сказал он тише, — я не против перестраховки, но зачем хаос разводить?

— А я не против порядка, но чтобы порядок был важнее людей точно да!

— Хорошо, УЗИ оставляю, но в следующий раз согласовывайте назначения со мной.

— Согласую, — пообещала, зная, что не согласую, если будет нужно действовать быстро.

Он ушел. Я осталась стоять у стола, и только тогда поняла, что сжимаю ручку так сильно, что пальцы побелели.

Валентина Петровна была права. Это было интересно.

Глава 7

Идея с тетрадкой пришла в голову в среду вечером, когда Петр прислал очередное сообщение: «Жан, мне нужно с тобой поговорить. Пожалуйста».

Я смотрела на экран и чувствовала, как внутри что-то закипает — не злость, нет, что-то более вязкое и медленное, похожее на лаву. Я хотела ответить. Хотела написать столько всего, что пальцы сами потянулись к клавиатуре. Но я знала: если начну, не остановлюсь. А дать ему эту власть — видеть, как я злюсь, как мне больно, как я все еще реагирую, — было невыносимо.

Вместо этого я достала из ящика стола обычную тетрадь в клетку, из тех, что продаются в любом канцелярском, открыла первую страницу и написала дату. Потом — все, что хотела ему сказать.

«10 марта. Петр прислал: „Мне нужно с тобой поговорить. Пожалуйста." Хочу ответить: „А со Светой ты тоже так вежливо договаривался о встречах? Или там хватало просто позвать?" Не ответила. Съела полторы пачки печенья. Овсяного. Теперь еще и тошнит».

Закрыла тетрадь и выдохнула.

Это помогло. Не сильно, но помогло.

К пятнице записей стало четыре.

«12 марта. Свекровь позвонила. Сказала, что я „сама ви-

новата" и „мужчину надо удерживать". Хочу спросить: чем удерживать? Наручниками? Это уже уголовка, Инна Павловна. А если серьезно — чем? Графиками овуляции его не удержала, борщами не удержала, тем, что бросила кандидатскую и сказала „ты прав, я и так лучшая", — тоже не удержала. Может, надо было на цепь посадить? Положила трубку. Вычеркнула ее из контактов. Стало легче».

«13 марта. Встретила Свету у лифта. Она сказала: „Жан, мне так жаль." Я сказала: „Мне тоже." Мне правда жаль. Жаль, что я ей верила и вообще на на свадьбу позвала. Жаль, что я рассказывала ей про свои неудачные попытки забеременеть, а она в это время, видимо, уже делала тест на свою. Жаль всего этого. Но не ее».

«14 марта. Сегодня принимала роды. Здоровый мальчик, три килограмма восемьсот. Мать плакала от счастья, а ее мужик держал за руку и всё твердил „спасибо" раз десять подряд — мне, акушерке, медсестре, даже санитарке. Я вышла в коридор и тоже плакала. Но не от счастья. От того, что я два года пыталась попасть в эту комнату с другой стороны. И не попала. Ринат нашел меня у окна, ничего не спросил, просто постоял рядом».

Я перечитывала эти записи и думала, что это точно не дневник, больше смахивало на инвентаризацию. Ревизия того, что осталось после взрыва: вот это целое, вот это с трещиной, вот это вообще не склеить.

В субботу утром я гуглила адвокатов.

Сидела на кухне с ноутбуком, чашкой кофе и списком вопросов, которые надо задать юристу. «Лучший адвокат по разводам в городе» — так написали в трех разных отзывах про Елену Гордееву. Сорок пять лет, стаж двадцать два года, специализация — семейные споры.

Я записалась на прием. Мама, решившая заехать ко мне в гости и помочь с покупками, как раз вернулась с пакетами продуктов, бросила взгляд на ноут.

— Ну что, нашла?

— Нашла.

— Хорошо. — Она начала раскладывать овощи в холодильник. — Когда пойдешь, возьми все документы. Свидетельство о браке, выписки по счетам, все, что касается квартиры.

— Мам, ты как будто готовилась к этому разговору.

— Жанна, я двадцать лет преподавала в школе. Половина моих коллег разводились. Я знаю, как это делается. — Она закрыла холодильник, повернулась ко мне. — И я знаю, что ты справишься.

В понедельник в ординаторской случайно зашел разговор о разводах. Видимо вселенная мне подсказки давала как могла, что иду правильным путем.

Началось с того, что Наташа, медсестра из соседнего корпуса, зашла за чаем и пожаловалась на бывшего мужа, который опять забыл привезти алименты.

— Я ему звоню, — говорила она, размешивая сахар, — а

он: „Наташ, ну ты же знаешь, у меня сейчас сложный период." Сложный период! У него всегда сложный период, когда надо отвечать за свои поступки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.